

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ОБРАЗЫ ИТАЛИИ
В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
XVIII–XX вв.**

Под редакцией д-ра филол. наук О.Б. Лебедевой,
д-ра филол. наук Н.Е. Меднис



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

Е.А. Юрина
Томский университет (Россия)

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

(на материале лексико-фразеологического поля кулинарных образов
в русском и итальянском языках)*

Образная лексика и фразеология как особый класс языковых единиц неоднократно выступали объектом многоаспектных лингвистических и лингвокультурологических исследований на материале различных языков¹. Исследователями отмечались такие качества образных средств языка, как двуплановость, метафоричность, мотивированность и идиоматичность семантики; наличие чувственно-наглядного компонента значения; выражение эмоционально-оценочного отношения к называемому явлению со стороны говорящего. В силу этих качеств именно образный словарный фонд языка обладает наибольшей национальной специфичностью и системой своих значений передает культурно окрашенный образ мира, отразившийся в языке. Способность языкового средства (или системы языковых средств) выразить особый взгляд человека на мир, передать результаты субъективной интерпретации познаваемого и нарекаемого словом фрагмента мира составляет его миромоделирующий потенциал. Рассмотрим различные аспекты миромоделирующего потенциала образных слов и выражений на материале лексико-фразеологического поля кулинарных образов в русском и итальянском языках.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ. Грант № МД-423.2007.6.

¹ На материале русского языка: *Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1998. 204 с.; *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 464 с.; *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 287 с.; *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 155 с. и др.; на материале английского языка: *Казаков А.В.* К проблеме образных средств, содержащих названия частей тела, в английском языке // Вопросы романо-германской филологии. Киров, 2000. С. 33–37; *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 336 с. и др.; на материале итальянского языка: *Черданцева Т.З.* Язык и его образы. М.: Междунар. отношения, 1977. 184 с. и др.; в сопоставительном аспекте: *Солодуб Ю.П.* Перспективы многоязычной сопоставительной фразеологии // Филологические науки. 2001. № 2. С. 48–56 и др.

К числу образных лексических средств традиционно относятся:

1. Слова с переносно-образным вторичным значением, или языковые метафоры²: *пицца / cibo* ‘то, что служит источником для чего-л.’ (*Порыв к творчеству может так же легко угаснуть, как и возник, если оставить его без пицци.* К.П. Паустовский. «Золотая роза»); *умаслить* ‘добиться чего-л. расположения лестью, лаской, подарками, как бы смазав маслом’ (*Проси у них согласия и благословения. Только не торопись; умасли наперед сестер, а мать противиться твоему желанию не станет.* С.Т. Аксаков. «Семейная хроника»); *mangiare* ‘расходовать, тратить’ от первичного ‘есть, кушать’ (*Mangiare tutto il patrimonio* – букв. *Съесть все имущество*); *ricotta* ‘о бесхарактерном, слабом человеке’ от первичного значения ‘мягкий сыр’.

2. Слова с первичным образным значением, возникшим в результате метафорического словопроизводства, или собственно образные слова³: *приесться* ‘надоесть, наскучить, потерять привлекательность, словно надоевшая пища’ (*Я просто говорю, что мы друг другу приелись.* И.С. Тургенев. «Отцы и дети»); *рогалик* ‘булочное изделие, в форме полумесяца, напоминающее рога’, *pasticiare*: 1) ‘пугать, запугивать’; 2) ‘халтурить, плохо выполнять работу’ (от *pasticcio* ‘пирог, запеканка, паштет’).

Образные выражения представлены устойчивыми образными сравнениями, идиомами и оборотами речи разной структуры: *как кисель* ‘о любой вязкой жидкости’; *мало каши ел* ‘о слабом человеке’; *не сваришь каши с кем-л.* ‘не договоришься’; *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке, в своё удовольствие’; *cuocere nel proprio brodo* («приготовить в собственном бульоне») ‘делать, решать самостоятельно, не слушая чужих советов’.

Образные средства языка реализуют в своем значении ассоциативное сближение разнородных объектов и явлений действительности на основании их реального или воображаемого ассоциативного сходства. Они воплощают в языке когнитивную метафорическую модель: именуют и характеризуют одну понятийную область «в терминах» другой понятийной области⁴.

Особенности метафорического миромоделирования связаны с языковым обозначением предметов и явлений одного категориального

² Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.

³ См.: Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3–11; Юрина Е.А. Собственно-образное слово как разряд образной лексики // Вестник Томского государственного университета: Бюл. оперативной науч. информ. № 38. Томск, 2004. С. 107–138.

⁴ См.: Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 185–189.

класса именами предметов и явлений другого категориального класса. Метафорическая номинация отражает осмысление определенной семантической сферы действительности сквозь призму понятий другой семантической сферы⁵. Образная лексика отражает результаты метафорического миромоделирования, воплощает типовые метафорические модели, закрепившиеся в национальной языковой картине мира, и может служить источником его изучения.

Как в русском, так и в итальянском языке встречается немало образных слов, называющих продукты питания, а также образных обозначений, характеризующих различные явления окружающего мира посредством кулинарной метафоры. Это свидетельствует о ценностной значимости гастрономической сферы в практической жизнедеятельности человека и культурологической значимости национальной кухни как символического (образного, обрядового, ритуального) кода культуры⁶. Известно, что чем больше существует в языке однословных наименований для ограниченной семантической области, тем более значимой для культуры народа она является. Факт метафорической номинации свидетельствует об особом отношении субъекта языка к называемому объекту, получающему в результате образной интерпретации, закрепленной в наименовании, чувственно-наглядную и/или экспрессивно-оценочную характеристику.

Миромоделирующий потенциал образных средств языка с кулинарной семантикой проявляется как на уровне выбора образного основания, так и на уровне денотативной сферы приложения образных номинаций. Наименования продуктов питания могут включать в качестве образных оснований представления о различных явлениях действительности, или, наоборот, кулинарные образы становятся источником метафорической номинации для явлений других концептуальных сфер.

Значения образных слов реализуют два типа уподоблений:

⁵ См.: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415; *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз., 1991. 193 с.; *Резанова З.И.* Метафорическое моделирование концептосферы русского языка // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2001. С. 121–124; *Чудинов А.П.* Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе // С любовью к языку: Сб. науч. тр., посвящ. Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж, 2002. С. 298–310.

⁶ См.: *Банкова Т.Б.* Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективация в языке // Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 20–33; *Пименова М.В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 124–142.

1. Уподобление предметов и явлений различных категориальных классов в пределах материальной сферы жизни на основании сходства их физических свойств: антропоморфные образы – *глазунья* ‘яичница из цельных жареных яиц, по форме напоминающая глаза’; зооморфные образы – *рожки*, *ракушки*, *vermicello* ‘мелкие тонкие макароны (вермишель)’ от *vermicello* ‘червячок’, фитоморфные образы – диал. *розанцы* ‘печенье в форме розы’, *хворост* ‘печенье, напоминающее сухие ветки’, предметные образы – *spaghetti* ‘тонкие макароны’ от *spaghetto* ‘тонкая веревка, шпагат’.

Образная характеристика называемых продуктов связана здесь с эталонным обозначением их формы. В языковой (наивной) картине мира форма предмета часто связывается с определенным «эталонным» маркером этой формы, что наглядно демонстрируют названия разных сортов макаронных изделий, которых в итальянском языке великое множество: *sigarette* – сигареты, *capelli* – волосы, *stellette* – звездочки, *creste* – гребешки и т.д. Форма кулинарного продукта, как правило, и является его отличительным признаком, который маркируется образной номинацией.

Сами наименования кулинарных продуктов тоже нередко выступают в языке как эталоны формы. Они задействованы в качестве мотивирующего основания в образных обозначениях различных предметов и явлений: *баранка* ‘руль автомобиля’; *калачом*, *калачиком* (*свернуться*) ‘наподобие калача, подобрав к согнутому телу руки и ноги’ // округло согнув руки или ноги’, *блин / лепёшка* ‘о различных предметах в форме диска’.

Помимо формы, кулинарные образы выражают представление о консистенции, структуре вещества: *тесто / pasta* ‘что-л. вязкое’; *крупа*, *крупитчатый*, *зернистый* ‘о чем-л., состоящем из очень мелких округлых частиц’; *студень*, *студенистый*, *желеобразный* ‘о чем-л., имеющем консистенцию загустевшей жидкости, напоминающей студень или желе’. Приведем примеры контекстного словоупотребления, демонстрирующие наглядно-образительную функцию образных слов: *Начинаются оттепели... Снег делается зернистым, ноздреватым, оседает, чернеет* (К.П. Паустовский); *Сухо и резко зашуршал крупитчатый песок на срезе берега.* (Ю. Нагибин); *В бухте плавали в большом количестве медузы. Эти студенистые существа напоминали ламповые абажуры, украшенные затейливой резьбой.* (А.С. Новиков-Прибой). Ср. последний контекст с английским названием медузы *jelly-fish* (буквально – «рыба-желе»).

Форма и консистенция продукта или блюда используется в русском и итальянском языках для характеристики физических данных человека: фигуры, комплекции: *квашня* ‘толстый, рыхлый человек’; *пышка* ‘о пухлой женщине или ребенке’; *e’ soda (-o)* («как вареное яйцо») ‘о чело-

веке с крепкими мышцами, упругим телом?»; *essere di pasta frolla* («быть из жидкого теста»): а) ‘дряблый, рыхлый о теле, мышцах, коже человека’, б) ‘уставший, вялый’.

2. Второй тип уподобления связан с моделированием сфер жизни, недоступных чувственному восприятию: физиологической, эмоциональной, нравственной, ментально-речевой, интеллектуальной, социальной, абстрактно-категориальной, – по образу и подобию явлений предметного мира.

Так, кулинарные образы могут быть задействованы при характеристике:

1) внешнего вида, движений, походки человека – *gnocco* ‘увалень, неуклюжий человек’ (от первичного *gnocco* ‘галушка, клецка’); *pasticcione* ‘грязнуля’ (от *pasta* ‘тесто’); *alto come un soldo di cacio* («высокий, как сыр за один сольдо») ‘маленького роста, маленький’;

2) эмоциональных состояний и выражения эмоций – *pruetsься* ‘надоесть, наскучить, потерять привлекательность, словно надоевшая пища’; *cibarsi di speranze* («питаться надеждой») ‘надеяться’; *sono stufu* («я тушенная» от *stufato* ‘тушеное мясо’) ‘мне надоело’;

3) черт характера и нравственных качеств человека – *тертый калач* ‘опытный, выдавший виды человек’; *pastocchione* ‘добродушный толстяк’ (от *pasto* ‘еда, принятие пищи’); *ricotta* ‘бесхарактерный, слабый человек’ (от *ricotta* ‘мягкий сыр’), *persona di pasta frolla* («человек из жидкого теста») ‘бесхарактерный, слабовольный человек’; *persona di grossa pasta* («человек из грубого теста») ‘простой, грубый, невоспитанный человек’, *buono come il pane* («хороший, как хлеб») ‘добрейшей души человек’, *ne carne, ne pesce / ni ryba, ni мяso* ‘о человеке, не имеющем отличительных индивидуальных свойств’;

4) социального поведения человека и отношений в обществе – *вешать лапшу на уши* ‘говорить неправду, вводить в заблуждение’, *avere le mani in pasta* («иметь руки в тесте») ‘быть замешанным в каком-то деле’, *mangiare a ufo / a scrocco* ‘жить за чужой счет’, *cibare di promesse* («кормить обещаниями»), *mangiare vivo* («съедать живьем») ‘ругать, отравлять жизнь, терзать, мучить’;

5) явлений, относящихся в различным сферам жизнедеятельности человека: межличностные отношения, социальная деятельность т.п. – *хлеб насущный* ‘самое важное, необходимое для существования’; *пицца, cibo* ‘то, что служит источником для чего-л.’ (*пицца для души, cibo per l’anima*); *pastetta* ‘мошенничество, сговор’ (от *pastetta* ‘блинное тесто’);

6) качеств широкого круга явлений – *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке, в своё удовольствие’; *печь как блины* ‘быстро делать что-л. в большом количестве’; *non e cibo per i suoi denti* («пища не по

зубам») ‘о сложном деле, неразрешимой проблеме’, *cascare come il cacio sui maccheroni / come il formaggio sui maccheroni* («подходить как сыр для макарон») ‘быть как нельзя более кстати’.

Группы образных слов и выражений, вариативно реализующие сходные образные представления в рамках устойчивых метафорических моделей, составляют образные лексико-фразеологические парадигмы, которые в зависимости от семантической близости образного основания с единицами других подобных парадигм могут объединяться в более крупные языковые структуры – образные лексико-фразеологические поля⁷. Например, все образные средства языка, реализующие в качестве образного основания представления о приготовлении пищи и блюдах национальной кухни, могут составить обширное лексико-фразеологическое поле кулинарных образов. Совокупность всех образных единиц поля демонстрирует фрагмент национальной метафорической картины мира, связанный с образным переосмыслением исходного базового концепта «ЕДА/ПИЩА».

Особенностью метафорического миромоделирования, результаты которого воплотились в семантике образных средств языка, является включенность базового исходного образа в устойчивый сценарий (фрейм) его бытования. Структура фрейма содержит комплекс типовых ситуаций (слотов), каждый элемент которых может быть переосмыслен в процессе метафоризации⁸. Так, представления о кулинарных блюдах или продуктах питания, включающие знания об их форме, размере, вкусе, запахе, структуре и т.п., связаны также с процессуальными ситуациями приготовления блюд из определенных продуктов и их поглощения субъектом с учетом всевозможных обстоятельств этих процессов.

В значении отдельной образной лексико-фразеологической единицы запечатлен лишь фрагмент метафоризации комплексного сценария: процесс приготовления (*varitarsi в собственном соку* ‘жить, работать, решать какие-то вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не общаясь’; *cuocere nel proprio broodo* («сварить в собственном бульоне») ‘сделать что-л. самостоятельно, не слушая чужих советов’); характер действий в процессе приготовления блюда (*girare la frittata* (букв. «перевернуть яичницу») ‘исказить смысл слов, суть происходящего’); результат процесса приготовления блюда с учетом качества полученного продукта (*первый блин всегда комом* ‘первый опыт не вполне удачен’, *non tutte le ciambelle riescono col buco* («не все пончики по-

⁷ См.: Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 59–111.

⁸ См. указанные работы А.Н. Баранова, Н.А. Илюхиной, А.П. Чудинова, Дж. Лакоффа и М. Джонсона и др.

лучились с дырочками») ‘не все удалось в раной степени хорошо, имеются некоторые недостатки’); форма (*рогалик* ‘булочка, по форме напоминающая рог’); структура (*леденец* ‘карамель, прозрачная и тающая, как лед’); вкус (*аппетитный* ‘внешне привлекательный, соблазнительный (обычно о женщине)’); *zucchero* ‘об очень приятном, милом человеке’ от *zucchero* ‘сахар’); размер (*крошка, крошечный* ‘об очень маленьком человеке или предмете’) и другие свойства продукта; процесс подачи блюда (*подавать что-л. под каким-л. соусом* ‘преподносить информацию под определенным углом зрения’; *ни под каким соусом* ‘ни под каким видом, ни в каком случае’) и поглощения пищи (*есть глазами, mangiare con gli occhi* ‘пристально, с напряжением смотреть на кого-л.’).

На примере лексико-фразеологической парадигмы «изделия из теста» в русском и итальянском языках можно наблюдать, как общая для двух языков метафорическая модель, ассоциативно связывающая процесс приготовления блюд из теста с социальной деятельностью человека, по-разному воплощается в образном строе каждого языка. Представления, связанные с приготовлением пирогов и других изделий из теста (сфера материального быта человека и его физических действий), легли в основу образного именованя целого ряда различных явлений жизни из области социального поведения человека. Это образные наименования трудового процесса вообще в итальянском языке (*pasticcio* ‘работа, дело’ от первичного значения *pasticcio* ‘пирог, запеканка’) и результатов деятельности в русском языке (*вот такие пироги* ‘вот так обстоят дела’). В основе метафорического уподобления здесь лежит представление о приготовлении пирогов как достаточно трудоемком, но привычном, обыденном процессе, требующем времени, внимания, терпения, умения, что характерно для любой работы вообще.

Процесс «стряпни», предполагающий замешивание теста, когда смешиваются различные ингредиенты (вода, мука, яйца), пачкается посуда и сам повар оказывается в муке или тесте, ассоциируется у носителей итальянского языка с чем-то непонятным и запутанным (*pasticciare* ‘путать, запутывать’, *pasticcione* ‘тот, кто все путает’). Этот же образ в двух языках связан с выражением представления о неаккуратности и недобросовестности человека (просторечное *устряпать(ся)* ‘испачкаться’), *состряпать что-л.* ‘сделать быстро и некачественно’, *pasticciare* ‘халтурить, плохо выполнять работу’, *pasticcione* ‘грязнуля’); а также с чем-л. обманным и незаконным (*обстряпать дельце* ‘совершить незаконные операции’, *быть замешанным в чем-л.* ‘участвовать в незаконных делах’, *pastetta* ‘мошенничество, сговор’ от первичного *pastetta* ‘блинное тесто’, *mettersi nei pasticci* (букв. «попасть в пироги») ‘впутаться в неприятную историю’).

Образ поднимающегося на дрожжах теста в семантической структуре образных слов и выражений служит средством характеристики быстрого физического роста человека и других живых существ или интенсивного увеличения материальных богатств, количественных показателей. В русском языке – *расти как на дрожжах* ‘быстро и интенсивно прибавлять в росте (о человеке), в количестве (об имуществе, деньгах, процентах и т.п.)’. В итальянском – *lievitare* ‘быстро и значительно увеличиваться (об имуществе, деньгах, процентах и т.п.)’ от *lievito* ‘дрожжи’.

Рассмотренные примеры показывают, что при сходстве типовых образных представлений в исследуемых языках отсутствуют прямые межъязыковые лексические эквиваленты, в чем и проявляется неповторимое своеобразие национальной языковой картины мира.

Ещё одним аспектом исследования проблемы языкового миромоделирования является изучение категоризации мира лексической системой, которая демонстрирует распределение многообразия фактов и явлений по семантическим классам и категориям и задает языковой личности «категориальную сетку» или «концептуальный каркас» мировосприятия. Лексическое обозначение определенной сферы действительности может осуществляться в разных языках с различной степенью подробности⁹. Наблюдения над «кулинарной лексикой» русского и итальянского языков показали, что в них достаточно подробно представлена номенклатура семантической группы «блюда из теста». Сюда включаются слова *тесто / pasta*, обозначающие родовое понятие, наименования разновидностей теста (рус. *квашня* ‘дрожжевое тесто’, итал. *pastetta* ‘блинное тесто’), названия кулинарных изделий из теста (итал. *pane* ‘хлеб’, *maccheroni* ‘макароны’, *lasagne* ‘широкая лапша’, *lasagnone* ‘крупная лапша’, *spaghetti* ‘тонкие макароны’, *gnocco* ‘галушка, клецка’, *torta* ‘торт’ и др.; рус. *хлеб, калач, каравай, бублик, рогалик, пирог, пирожок, лепёшка, блин, пончик, торт, пирожное, лапша, вермишель, макароны* и др.).

Блюда из теста составляли основу традиционного рациона, служили повседневной пищей (недорогие, повсеместно распространенные, пригодные для длительного хранения) и в то же время входили в число традиционных ритуальных и праздничных кушаний. Основным повседневным блюдом из теста является хлеб. И в русском и в итальянском языках слова *хлеб* и *pane* могут иметь расширительное значение ‘выпечен-

⁹ См. об этом подробнее: *Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.; *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 12–51; *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.; *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997. 331 с. и др.

ное изделие из теста, любое хлебобулочное изделие’, а также расширительное метонимическое значение ‘еда вообще’, закрепленное в библейской традиции («*Хлеб наш насущный дай нам днесь...*»). Эти слова в обоих языках имеют образные (переносно-метафорические) значения ‘заработок, средства к пропитанию, существованию’ (пользоваться чужими средствами *mangiare il pane a ufo* – есть чужой хлеб, *нахлебник*).

Слово хлеб имеет также культурно-символический компонент значения, включающий амбивалентные смыслы: 1) жизненно важная ценность, источник жизненных сил, оцениваемый исключительно положительно (*Хлеб – всему голова, хлеб-батюшка, viuno come il pane* – добрейшей души человек); 2) плотское, земное начало, в противовес духовному (*Не хлебом единым...*). Второй символический смысл не связан с отрицательной оценочной коннотацией и практически нейтрализуется, так как хлеб является недорогим и постным кушаньем, в связи с чем символизирует 3) скромную или бедную жизнь (*перевиваться с хлеба на воду, жить на хлебе и воде* ‘бедно жить’) или трудную судьбу, долю (*mangiare il pane pentito* – есть покаянный хлеб ‘испытывать сожаления о происшедшем’). В целом культурологическая (образно-символическая, аксиологическая, мифологическая) семантика хлеба совпадает в двух языках. Различия проявляются в том, что, в отличие от русского, в итальянском слово *pane* может выражать значение ‘кусочек чего-л.’ (кусочек мыла), а в русском языке, в отличие от итальянского, слово хлеб имеет метонимическое значение ‘зерновые культуры, из которых делается мука для выпечки хлеба’, это свидетельствует о том, что в русском представлении о хлебе концептуализируется скорее как идея продукта в вещественном значении (*кусочек, булка, батон, кирпич хлеба*), а в итальянском, наоборот, как артефакт, имеющий определенную пространственную форму, то есть в предметном значении.

Различия группы «изделия из теста» в двух языках проявляются в том, что если в русской культуре более дробно и разнообразно именуется выпекаемые изделия (хлебо-булочные: *калач, кулич...*), то в итальянской – высушенные изделия из пресного теста, требующие варки в воде, то есть макаронные изделия (*spaghet, vermicelli...*), которые в русском языке имеют несколько исконных наименований: *лапша, галушки, рожки*, а остальные являются заимствованными из итальянского (*макаронь, вермишель, спагетти*). Само слово *тесто / pasta* имеет в итальянском языке иную семантическую структуру. Оно выражает родовое понятие ‘макаронные изделия’ (в русском языке – макаронь), имеет метонимическое переносное значение ‘пирожное’, переносные метафорические значения: 1) ‘клейкая густая масса, месиво’, реализующая уподобление по сходству физических качеств (консистенция, структура

вещества); 2) ‘характер, нрав человека’ (эта же метафорическая модель воплотилась в образной семантике фразеологизмов «сделан из какого теста?»): *persona di grossa / buona / frolla pasta*, которые уже назывались.

Составляя жизненно важную потребность человека, пища, с одной стороны, является неперенным атрибутом его повседневной жизни, а с другой – является ценностно значимым объектом в обыденной картине мира. Безусловно, это проявилось в языке и закрепилось в языковой картине мира следующим образом:

1. Кулинарная лексика часто является производной и образно мотивированной, сохраняет живую внутреннюю форму слова: *баранка* ‘булочное изделие в форме кольца, напоминающее рог барана’; *трубочка* ‘сорт пирожного в виде трубочки с кремом внутри’; *хворост* ‘сорт хрустящего, жаренного в масле печенья’; *vermicelli* ‘мелкие тонкие макароны (вермишель)’ от *vermicello* ‘червячок’; множество наименований сортов макарон, выражающих сходство по форме: *spaghetti* от *spaghetto* ‘тонкая веревка, шпагат’; *sigarette* – сигареты; *stellette* – звездочки; *capelli* – волосы; *creste* – гребешки; *рожки, ракушки* и др.

2. Кулинарная лексика часто служит источником образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности: *квашня* ‘толстый человек с расплывшейся, рыхлой фигурой’; *кисель* а) ‘вялый, слабовольный человек’, б) ‘вязкая полужидкая масса’; *пышка* ‘о пухлом ребёнке или женщине’; *gnocco* ‘увалень, неуклюжий человек’ от первичного значения ‘галушка, клецка’; *pezzo di pane* ‘добрый, хороший человек’ от первичного «кусочек хлеба»; *minestrone* ‘сложное, запутанное дело’ от первичного названия супа.

3. Кулинарная лексика входит в состав фразеологизмов и устойчивых сравнений: *не лаптем щи хлебать* ‘быть не хуже других’; *заварить кашу* ‘затянуть хлопотливое дело’; *уха из петуха* ‘ерунда, что-то нелепое’; *как сыр в масле кататься* ‘жить благополучно, в достатке, изобилии’; *hai fatto un minestrone / e' un minestrone* («сделано как суп «минестроне») ‘о нелогичном, непонятном тексте, произведении’; *ciligina sulla torta* («вишенка на торте») ‘прекрасное завершение чего-л., яркая заключительная деталь чего-л.’.

4. Кулинарная лексика в образном функционировании выражает ценностные установки говорящих, дает ценностную характеристику называемых объектов и выражает эмоциональное отношение к называемым явлениям действительности. Например, в русском языке образная парадигма слов, мотивированных лексемой *каша* (‘сваренное на воде или молоке кушанье из крупы’), связано с отрицательной коннотацией ‘что-то запутанное, сложное, как будто всё перемешалось, как крупа в каше <и это плохо>’: *каша* ‘неразбериха, путаница’; *каша в*

голове ‘отсутствие понимания, порядка в мыслях’; *заварить кашу* – ‘затянуть сложное, хлопотливое дело’; *заваруха* ‘сложное, запутанное дело, сумятица’ (в среднеобском диалекте *заваруха* ‘мучная каша, завариваемая на молоке или воде’), *расхлебывать кашу* ‘распутывать неприятное, сложное дело’. В итальянском языке качества теста (*pasta*) ассоциативно связываются с ценностными характеристиками человека: 1) его характера *persona di grossa pasta* (человек из грубого теста) – простой, грубый, невоспитанный человек, *persona di buona pasta* (человек из хорошего теста) – добродушный человек, добряк, *persona di pasta frolla* (человек из жидкого теста) – бесхарактерный, слабовольный человек; 2) внешнего вида; 3) состояния человека – *essere di pasta frolla* (быть из жидкого теста): а) дряблый, рыхлый о теле, мышцах, коже человека, б) уставший, вялый.

5. Кулинарная лексика и фразеология как в прямом исходном, так и в переносно-образном употреблении обладает ярким национальным колоритом, всегда оказывается национально окрашенной и, согласно «лингвострановедческой теории слова» (В.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), содержит так называемый «культурный» или «страноведческий» компонент.

Многие наименования блюд национальной кухни, послужившие источником образного именованя и характеристики, являются безэквивалентными. Они не имеют семантических аналогов в других языках (*блины, калач, щи, уха*) и заимствуются в случае распространения этого блюда или продукта, как произошло с заимствованиями в русский из итальянского слов *макароны, вермишель, спагетти, пицца, лазанья*. В системе обыденных представлений человека о мире образ определенно-этнического сообщества (народа или государства) неразрывно связан со сложившимися в родной культуре устойчивыми социокультурными стереотипами, в число которых входят традиционные продукты питания и блюда национальной кухни. Они выступают своеобразными «маркерами» национальной идентичности и самоидентификации, входя в систему образных средств языка и паремиологический фонд (в состав устойчивых фольклорных формул, пословиц, поговорок): *щи да каша – пицца наша; и я там был, мёд, пиво пил*.

6. Кроме своего бытового функционирования, традиционные национальные блюда оказываются связаны с ритуальными действиями в различных обрядах, где выполняют магическую функцию, а кулинарная лексика наполняется в соответствующих контекстах сакральным смыслом и несет обрядовое значение: *хлеб* и *вино* в христианских церковных обрядах, *блины, пирог, каша, кисель* в русских свадебном и похоронном

обрядов¹⁰. По мнению ряда исследователей (Н.Ф. Сумцов, О.М. Фрейденберг), трапеза всегда носит в той или иной степени ритуализованный характер, а наименования кушаний несут еще и символический смысл. Еда в целом является символом богатства, изобилия, благополучной жизни, с чем связана традиция много есть в праздники, на свадьбе, на поминках. Это отразилось, например, в русских поговорках *наелся, как дурак на именинах / на поминках* ‘слишком много съел’. В каждой культуре присутствует и другая традиция – отказываться от еды как от символа земных благ в пользу благ духовных во время постов, активной духовной работы (библейский афоризм *не хлебом единым жив человек*).

Следовательно, названия продуктов питания, блюд и кушаний, их качеств, а также процессов их приготовления и употребления обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой, а в своем образном функционировании отражают особенности национального мировидения и миропонимания, служат ярким примером образного отражения действительности в языке, формируют метафорический фрагмент национальной картины мира. Система образных и символических смыслов, связанных с блюдами традиционной кухни, а также их функционирование на бытовом и сакральном уровнях составляют особый «кулинарный код» национальной культуры, который воплощается в языковых формах и значениях и который можно рассматривать как средство национальной идентификации и самоидентификации.

¹⁰ См.: Банкова Т.Б. Указ. соч. С. 25–33.